

БУЛАТ ШАКИМОВ

ОДНОСЕЛЬЧАНЕ

РАССКАЗЫ

*Светлой памяти отца
и матери посвящая*

МАДОННА

В жизни скромной и неприметной уборщицы сельского дома быта тети Салимы произошло очень важное событие — она вышла на пенсию, на заслуженный, как говорят, отдых. Администрация по этому поводу вручила ей за многолетнюю добросовестную работу почетную грамоту от имени районного руководства бытовиков и подарила большую картину в массивной, позолоченной раме — красивую репродукцию работы известнейшего художника.

На картине была изображена сидящая в кресле пышногрудая красивая женщина с маленьким ребенком на руках. Полнотой своих рук и шеи она чем-то отдаленно напоминала тетю Салиму.

Вечером, после завершения рабочего дня, небольшой коллектив работников дома быта собрался к ней в гости, впервые за долгие годы совместной работы.

Шакимов Булат Адиетович родился в 1956 году в селе Актау Каменского, ныне Тагскалинского района Западно-Казахстанской области. Окончил в Уральске сельскохозяйственный институт и в Алма-Ате институт политологии и управления. Работал рабочим совхоза, преподавателем в ПТУ, помощником первого секретаря обкома партии Западно-Казахстанской области. С 2007 года Аким (глава) Бурлинского района Западно-Казахстанской области. Публиковался в республиканской и всесоюзной печати. Делегат Всесоюзного совещания молодых писателей (1984), дипломант республиканского (1985) фестиваля творческой молодежи «Жигер». Автор книги рассказов «День из детства», коллективного сборника прозы «Окно, распахнутое в мир».

Сияющая хозяйка, в нарядном платье, неожиданно для всех ставшая такой необычной и хорошенькой, вышла во двор встречать гостей. Проводив их в дом, она не знала, как угодить всем сразу, терялась, понапрасну бежала за ними и без конца извинялась.

— Извините, если что не так, — тетя Салима, виновато улыбаясь, без толку суетилась. — Вот сюда садитесь, сейчас стульчик подам...

Недавняя уборщица по-своему переживала предстоящий ей экзамен и очень волновалась по этому поводу, больше всего боясь, что долгожданным гостям у нее будет скучно и невесело.

— Ой, вы что? — ужасается она, всплескивая руками. — Не снимайте, пожалуйста, не снимайте обувь, — хозяйка бежит вокруг гостей и просто-душно умоляет: — Проходите так, ничего не снимайте, все равно потом, после вас, полы мыть буду...

Именинница мучается и ломает голову, как лучше рассадить за большим, праздничным столом гостей. Чувствовалось, они давненько не баловали ее своим посещением.

Однако выручают хозяйку сами же гости. Быстренько повесив картину на первый попавшийся на стене гвоздь, “бытовики” дружно рассаживаются вокруг накрытого стола.

— Между прочим, — сразу замечает самый старший из гостей по возрасту и по должности, председатель месткома Алимжан, слегка полноватый мужчина в расцвете сил. — Обратите внимание, наша именинница, очень похожа на женщину из нашей картины, которую мы подарили. И картину эту я сам выбирал.

И он, повернувшись влоборота к стене, многозначительно смотрит на висящую репродукцию в красивой раме.

Повертев головами, гости ахнули. И в самом деле, схожесть очень была заметной. В это время в комнату вошла слегка растерянная хозяйка и, смущаясь, начала благодарить всех сидящих за столом, что те нашли время зайти к ней на чай.

Сразу же в ход пошли поздравления, коллеги много шутили, с завидным аппетитом ели и обильно пили.

“Какой же у нас прекрасный коллектив! — с нескрываемым восторгом думала тетя Салима. — Как не хочется с ними расставаться, как жаль, что пришло время уходить на пенсию...”

Уже к середине вечера, когда застолье было в самом разгаре, что-то вспомнив еще, председатель месткома Алимжан, заметно покрасневший, снова поднимается из-за стола.

— А знает кто-нибудь, какой симпатичной была Салима в молодости? — спрашивает он, вопрошающе оглядев своим мутнеющим взглядом сидящих за столом коллег.

— Да она и сейчас красива! — искренне и дружно подкакивают словам председателя месткома подпитые мужики, хотя свидетелей ее цветущей молодости оказалось совсем немного.

— Ровно тридцать... нет, тридцать пять лет назад, — ударяется в свои туманные воспоминания Алимжан, — Салима двадцатилетней, хорошенькой девчонкой после профтехучилища приехала в наше село. Я как сегодня помню, как она начала трудиться швеей, затем, через несколько лет, после рождения дочери, попросилась техничкой и с этой же работы вышла на пенсию...

Гости, особенно ее мужская часть, то ли от вышитого, то ли от хорошего настроения, не сводили глаз с хозяйки дома, помолодевшей за один вечер до неузнаваемости. Было заметно, что тетю Салиму без рабочего халата и швабры в руках многие из них и не видели.

Пространная речь председателя месткома начала сбиваться и к концу стала совсем непонятной и бессвязной. Гости больше смотрели на тетю Салиму, чем слушали Алимжана.

— И скажу вам, друзья, — наконец-то, поняв, что гости заскучали, начал он подытоживать свою долгую речь. — Наша Салима еще не старая. Она еще о-го-го!

В завершение своего затянувшегося экспромта разгоряченный председатель месткома, повернувшись, пытался обнять именинницу за ее крутые бедра, но, потеряв равновесие, чуть не опрокинул на пол все содержимое стола.

Тетя Салима, красивая и зардевшаяся, смущаясь, непроизвольно отстраняет от себя своего бывшего начальника и помогает ему сесть на свое место. Чуть полноватое, но румяное лицо женщины светится тихой необычной радостью, а в ее сбитом, хорошо сложенном крепком теле все еще чувствуется былая стать и горячая кровь.

Темные, без единой проседи, все еще выющиеся волосы юной пенсионерки были аккуратно собраны на макушке, от ее вызывающе обнаженной шеи исходил едва уловимый, но знакомый до боли запах “Красной Москвы”. На округлые плечи тети Салимы была небрежно накинута вытасценная из сундука по случаю сегодняшнего торжества почти ненашенная шелковая шаль — давняя память и подарок мужа.

“Вот и стукнуло, незаметно, пятьдесят пять годков, — с грустью думает она о себе. — Неужели все прошло, все кончено?..”

Не хотелось верить, что жизнь прошла. Так неожиданно быстро и так мучительно долго пролетели годы тоски и одиночества, скрашенные редкими днями приезда дочери, безликими праздниками и скучным общением на работе...

Неужели в жизни не было больше радостей? Что хорошего осталось в ее памяти? Вспоминается, как она совсем молоденькой и пухленькой девчонкой приехала работать швеей в незнакомое село, ненароком влюбилась и вышла замуж за местного парня, родила ему дочь...

Радостные возгласы и шум за столом, новые пожелания и настойчивые требования немедленно присоединиться к празднеству без конца отрывают тетю Салиму от ее невеселых дум. В конце концов, она сдается и, под дружные возгласы и уговоры гостей, соглашается выпить пару рюмочек водки. От спиртного ее пунцовое лицо еще больше раздумывается, глаза блестят, и вновь всем становится одинаково весело и хорошо.

Поздравления уже шли по второму или третьему кругу.

— Я тоже хочу поздравить тетю Салиму, — поднимается с места раскрасневшийся от выпитой водки молодой телемастер Борис, лишь совсем недавно закончивший профтехучилище.

Он растроганно, с влажными глазами смотрит на именинницу, было заметно, что молодой парень очень волновался и переживал, что такая скромная, незаметная и такая неожиданно красивая женщина уходит из их дружного коллектива.

— Если можно, я буду тост говорить на русском, — заплетаясь, продолжает Борис. — Всею дорогу, и в школе, и на работе, и везде говорим по-русски. Я по-казахски, сказать честно, не умею кумекать. Ну, что еще сказать? — он долго и напряженно думает. — Ну, короче, давай, давайте, выпьем...

Расплескивая по скатерти водку, он через весь стол тянется к сидящим напротив коллегам.

Гости всюю веселятся сами по себе, будто среди них и вовсе нет именинницы, тети Салимы, которой уже ненароком чудится, что между ней и гостями выросла невидимая стена. Странно, виновница торжества продолжает видеть сидящих коллег, но совсем не слышит их голосов.

Временами тетю Салиму одолевают мрачные мысли о себе, о своем новом будущем. От осознания того, что вся ее активная жизнь, можно сказать, закончилась, хотелось выть волком или смеяться над собой, зло и жестоко. Смеяться, что вся жизнь уже прошла, тихо и спокойно, незаметно, без вреда кому-либо и без пользы для себя.

“Вспомнит ли потом кто-нибудь обо мне, бывшей швее и уборщице? — думает она. — Кому теперь я буду нужна? Для кого и для чего я жила? Неужели вся жизнь прожита ради этой минуты, этих приятных, но ничего не значащих пожеланий гостей, этого шумного застолья на закате жизненного пути?..”

За всю свою жизнь не слышала тетя Салима в свой адрес столько добрых пожеланий, сколько она выслушала только за один сегодняшний вечер.

Исходящая от гостей теплота и кажущаяся искренность слов растрогали ее, всколыхнули забытые давно чувства. Вспомнились картины давних лет...

Когда выходила замуж, тоже поздравляли. Кажется, что все было только вчера, а подумаешь, столько, оказывается, уже прошло лет. А какие слова признания в любви говорил ей в молодости муж!..

Но многое уже позабылось — стирают годы память. Дочь вот свою, красавицу, вырастила. Только непонятно, чему ее научила. Вроде и растила с любовью, даже излишней, воспитывала, как могла, образование дала, чтоб не хуже других, чтоб не говорили, что без отца...

Выросла дочь, вспорхнула птичка и улетела в большой город искать счастья. Только где оно, это счастье-то, как его найти, как ухватиться за него и не отпустить?..

Гости шумно загалдели, поднимаясь из-за стола, молодежь, включив магнитофон, стала танцевать. Покуриив и натанцевавшись, они снова садились за стол пировать и только далеко за полночь, уже заметно подустав, вспомнили и вразнобой заговорили, что пора бы и бежать по домам.

Прощаясь, подпившие мужики бессовестно лезли к тете Салиме обниматься, будто видели ее впервые, и каждый норовил поцеловать именинницу в губы. Вежливо и смущенно отстраняясь от мужчин, она, уставшая, счастливая и немного грустная, покорно ждала, пока разойдутся гости.

Проводив гостей, именинница задумалась. Разные подарки, хоть и редкие, получала, тетя Салима за свою жизнь, но чтобы ей картину подарили — такого еще не было. Вот если бы гости отрез на платье принесли — она знает, как с ним поступить. А вот с картиной-то что делать?

В селе никто никому картин не дарит, не принято как-то. И потому пылятся на прилавках сельских магазинов забытые всеми красочные репродукции великих мастеров — дорогие подарки в позолоченных рамках, в основном, более подходящие для причуд городских жителей. Кто их знает, может быть, и хороши эти картины, и как-то ценны по-своему, но большинству сельских жителей этого никогда не понять.

На другой день, с утра пораньше, узнав о необычном подарке, полученном тетей Салимой, прибежала соседка Улжан.

— Я слышала, тебе картину подарили, дорогую, — прямо с ходу, быстро-быстро зататорила она, едва переступив порог комнаты. — Интересно, чья это работа? А я слышу, картину тебе подарили, но про себя не верю...

Тетя Салима, убиравшаяся в доме после гостей, неторопливо отжав мокрую половую тряпку и отодвинув в сторону полное ведро воды, с интересом смотрит на явившуюся соседку.

Увидев висящую на стене репродукцию в красивой раме, Улжан на цыпочках пробирается к ней, все еще продолжая говорить:

— Неужели, думаю, и у нас в деревне начали понимать искусство. Дай, думаю, схожу к соседке, погляжу...

Почему-то Улжан считала себя знатоком живописи, очень гордилась этим и не упускала возможности лишний раз блеснуть своими познаниями в области изобразительного искусства. Ей ничего не стоило, случайно увидев в доме культуры малюющего что-нибудь сельского художника-оформителя, элементарно и бесцеремонно заткнуть его за пояс, задав ему несколько мудреных и бесполовых вопросов, суть которых не понимала и сама.

— Не чувствую картину, — расхохоталась она, случайно увидев в клубе какую-нибудь зарисовку. — Какой ракурс, где свет, что ты этим хотел выразить? С какого места лучше смотреть на картину?

Бедный мальчишка, если оказывался рядом, только краснел и пыхтел, не зная, что ответить не по возрасту беспардонной и приставучей тетке.

Когда-то давно, в молодые и шаловливые годы, прожитые в городе, в жизни Улжан был некий художник, то ли несостоявшийся жених, то ли еще что-то, который между гульбой и рисованием, в редкие минуты хорошего душевного настроения посвящая иногда свою возлюбленную и боевую подругу в непростые тонкости творчества и художественного ремесла.

Этой короткой академии и яркой городской биографии ей было достаточно, чтобы в своей дальнейшей жизни в вопросах искусства быть на го-

лову выше простого народа, хотя потом нужда и заставила Улжан вновь прибиться к нему. Влекомый жаждой бесконечного творческого поиска и больших денег, однажды художник канул в неизвестность, оставив Улжан в память о себе будущего тракториста, в жизни такого же беспутного, как и сам родитель.

— Картина — хороший подарок, — со знанием дела поясняет доморощенный критик и искусствовед, — но здесь культура тонкая должна быть, чтоб понять ее суть. Да и подписать произведение надо. Для солидности. Так-то и так-то, кто подарил, когда, по какому поводу...

Закончив говорить, Улжан многозначительно помолчала, пребывая в минутной творческой задумчивости.

— Народ у нас насчет картин темноватый, — продолжала выдавать она дальше. — Подумают, повесила баба старая картину вместо ковра. А подпишешь, все ясно, завидовать будут! Дочка, может, приедет, увидит — и сразу поймет, каким ты здесь пользуешься авторитетом и уважением...

Тетя Салима, не раз слышавшая ее рассказы о каком-то почти мифическом художнике, никогда не придавала этому ни малейшего значения. Сейчас же она слушала соседку внимательно, стараясь ничего не упустить важного.

— Как же я ее подпишу? — подумав о чем-то своем, безнадежно сокрушается тетя Салима, и лицо ее становится совсем грустным. Она потерянно глядит на искусствоведа.

Улжан, победно и высокомерно посмотрев на жалкую соседку, оставляет ее вопрос без ответа.

— Тут еще и умение нужно, смотреть-то ее, — важно повторяет Улжан когда-то слышанные слова и, отойдя от стены метра на два или три, долго щурится на картину.

Наслаждаясь произведенным эффектом, соседка, как великий мастер на своего ученика, с удовольствием глядит на поникшую тетю Салиму.

— Мой-то сказывал, — назидательно говорит она, — что издали надо смотреть на картину: тогда она вроде как живая получается.

И Улжан, не обращая никакого внимания на растерявшуюся тетю Салиму, долго и со знанием дела разглядывает картину.

— Можно, я посмотрю? — спрашивает Улжан и, не дожидаясь разрешения, осторожно отодвинув картину от стены, заглядывает за оборотную сторону репродукции.

Тетя Салима в страхе замирает, боясь, что соседка, не удержав, может уронить массивную картину на пол вместе с рамой.

— Рафаэль Санти, — вслух с наслаждением читает Улжан, сама довольная своей осведомленностью в вопросах искусства. — Мадонна в кресле. Дерево, масло.

Тетя Салима становится на то место, где минуту назад стояла соседка, и, стараясь увидеть, как оживет картина, изо всех сил пялит свои глаза на полноватую молодую женщину и ее маленького, сладенького ребеночка. Глаза ее слезятся от долгого и бестолкового напряжения.

— Что-то у меня не получается, — не выдерживает тетя Салима, обращаясь к новоявленному искусствоведу. — Иль зрение у меня не подходящее?..

Короче, надоумила тогда ее соседка Улжан сделать на картине памятную надпись. Еще одна лишняя проблема прибавилась тете Салиме: как это сделать?..

— Уважаемой Салиме, нет, лучше, если будет: Салиме Каримовне, в день выхода на пенсию, — просились желанные слова, но тут же ей почему-то становилось неловко. — Вот если б они сами догадались так написать..."

Так ничего и не смогла придумать тетя Салима. Оказалось, что еще сложнее найти человека, который бы умел красиво написать и правильно оформить задуманное.

Так проходили дни, пролетали месяцы. Постепенно все стало забываться, но однажды заслышала тетя Салима, что к ним в село приехал настоящий художник — подготовить клуб к Первомайским праздникам. И с новой силой пробудилось в ней почти угасшее уже желание оставить для будущих своих потомков заветную надпись на картине.

Посоветовалась с более опытной соседкой Улжан.

— Ты, дорогая, сначала водочкой запасись, — наставляла та, с удовольствием попивая из блюдечка чаек у нее на кухне. — Они любят это дело. Ох, как любят!

Улжан, характерно щелкнув пальцем по горлу, переходит на страстный шепот, ее лукавые глазки хитро щурятся, а затем и вовсе закрываются от наплывающих в памяти былых удовольствий.

— И не только это любят, — говорит соседка, все еще купааясь в своих давних, но приятных воспоминаниях. — Я-то знаю их...

Немного погодя, резко прервав свои сладкие грезы, Улжан открывает глаза.

— Но ты не бойся. Понравишься, — активно успокаивает она соседку, с ног до головы оглядывая ее сбитое тело. — У тебя, дорогая, пока все сидит на своем месте, и сзади, и спереди.

Тете Салиме от ее слов становится не по себе, она краснеет как школьница.

— А как же я его позову? — все же набравшись смелости, нерешительно спрашивает тетя Салима. — Ведь как-то неудобно получается...

— Что ж неудобного? — удивляется Улжан. — Не бесплатно же ты просишь...

— Все равно не смогу, — честно признается тетя Салима.

— Ты только намекни мужику-то — он сам прибежит, как старый кобель! — учит женским хитростям опытная соседка.

— А как я буду намекать? — грустно вздыхает тетя Салима.

— Эх, ты, — опытная Улжан укоризненно качает головой. — Что с тобой? Ты что, не баба? — спрашивает она. — Иль ты их, мужиков, никогда в жизни не видела?..

Скромная в жизни и не совсем общительная тетя Салима не знает, что ответить соседке, обреченно молчит.

— Ну что упрямисься? — начинает злиться Улжан. — Завтра же и позови, а то его и след простынет!

После непростых и мучительных колебаний решила, наконец, тетя Салима, пригласила художника домой. Однако сразу же попросила его, чтобы тот пришел обязательно днем, иначе ей не избежать всяких ненужных пересудов в селе.

После обеда, часикам к пяти, пришел художник. Невысокий мужичок, примерно ее возраста, неухоженный и довольно потрепанный. Он был в давно не стиранной рубашонке и драповом пиджачке далеко не первой свежести.

Зашел художник в дом культурно, негромко прокашлялся в кулак. Поставил чемоданчик с кисточками и красками в угол, повесил на гвоздь свою кепку. Пригладив руками жидкие волосы, оглядел комнату. Покосился на стол, где уже стояла закуска, и от предвкушения хорошего, сытного ужина глаза его произвольно заблестели.

“Сразу видно, не зазнайка, пришел сразу, — подумала в свою очередь тетя Салима. — Скромный мужичина, не заставляет бегать за собой и упрашивать”.

— Так, что у вас? — сразу приступил к делу художник. — Где ваша картина?

— Сейчас, сейчас покажу, — засуетилась тетя Салима, но, помня наказ своей бывалой соседки, что “для начала надо немного налить”, робко, тушуясь, спросила:

— А покушать сначала не желаете?..

— Покушать? Можно, конечно, — страшно обрадовался гость. — На голодный желудок много не наработаешь.

Тетя Салима принесла из чулана бутылку водки и, немного смущаясь и краснея, поставила поллитровку на стол. Горящие глаза художника вспыхнули, он, стараясь скрыть свою радость, через силу закашлял и, поглядывая в окно, сам не зная почему, заметил:

— А погодка-то, ничего! Греет солнышко. Травка уже, я смотрю, вовсю идет. Весна!..

И не удержавшись, улыбнулся широко и счастливо.

“И ты тоже ничего...” — отметила про себя тетя Салима, засмотревшись на его по-детски счастливую улыбку. Сказать честно, она давно не видела такой непосредственной и искренней улыбки.

— Пожадуйста, за стол, — заторопилась она.

— Спасибо, но все-таки, хотя бы одним глазом, я хочу взглянуть на картину, — вежливо сказал гость. — Где она у вас?

Проникаясь к нему еще большим уважением, тетя Салима провела художника в гостиную.

Остановившись в метрах двух от картины, гость немного полюбовался красивой репродукцией.

— О, мадонна! — громко воскликнул он, разглядывая картину, и, медленно переведя взгляд с репродукции на хозяйку, пристально оглядел ее с головы до ног. — Все, теперь можно и за дастархан!

Не заставляя себя долго уговаривать, художник подсел к накрытому столу. Тетя Салима, взяв бутылку в руки, начала неумело открывать крышку, вызывая на лице у гостя болезненную гримасу. Наконец-то пробка поддалась, и хозяйка, присев за стол напротив художника, разлила водку в рюмочки. Чутьку себе и побольше — гостю.

— Угощайтесь, ешьте! — просит тетя Салима. — Все, что на столе, приготовлено специально для вас.

С нескрываемым радушием, пододвигая тарелки с угощениями поближе к художнику, она все соображала, как бы культурнее предложить гостю выпить, но в то же время чтобы этим и не обидеть незнакомца.

Он же без всякой робости сам взялся за рюмку.

— Ну что, вздрогнули? — по-русски сказал он, чем сильно смутил хозяйку и, не чокаясь, залпом опорожнив содержимое рюмки, облегченно выдохнул: — Ух-ха! Хороша, собака!

Тетя Салима, потрясенная, сидела с рюмкой в руке.

— Ну что, — заедая, промышчал с набитым ртом художник и с укоризной посмотрел на ее нетронутую рюмку. — Давай, не бойся!

— Вздрогнули, — тоже по-русски, боясь показаться отсталой, еле слышно выдавила из себя тетя Салима непривычное слово. Она зажмурила глаза и выпила. Поперхнувшись, сморщилась и закашляла.

Художник, перестав жевать, внимательно посмотрел на нее.

— Что с тобой?

Тетя Салима, смущенно задвигалась и заерзала под его долгим сверлящим взглядом, незаметно проверила все пуговицы на халате.

— Вы закусывайте, закусывайте, — спохватывается она. — Вот вам яичница, куырдачок, баурсаки, сметанка...

— В деревне что хорошо — это закусь отличная, — торопливо прожевав, говорит гость. — Все натуральное, сплошь одни витамины.

Обмакнув ароматные баурсаки в большую чашку со свежей сметаной, он руками аппетитно отправляет их в рот.

Сидя за столом напротив незнакомца, тетя Салима любовалась и одновременно наслаждалась тем, как жадно и естественно, будто с голодухи, ест здоровый мужчина. Торопливо, почти не прожевывая, художник один за другим заталкивал себе в рот заботливо и вкусно приготовленные хозяйкой баурсаки со сметаной.

— Боюсь, что твои витамины мне сегодня спать не дадут, — хитро прищурившись, шутит он, скользя глазами по столу.

Взгляд художника упирается в бутылку. Сразу же догадавшись, тетя Салима, поднимается из-за стола, чтобы снова налить водку.

Гость с нетерпением ждет.

— Сядь ближе, — говорит он тете Салиме, увидев, что она снова собирается сесть на свое место.

Тетя Салима останавливается и замирает в нерешительности.

— Зачем ходить вокруг стола и без толку терять время? — резонно замечает художник и набрасывается на яичницу. — Садись, я не съем, я не волк, а ты — не Красная Шапочка!

Тетя Салима, осторожно садится на краешек стула и, поправив халат, смиренно ждет, что скажет гость.

— Ну, что ж, за знакомство, что ли? — снова по-русски обращается к ней художник. — Меня зовут Марат Газизович. А тебя, пампушка, как звать?

Тетя Салима смущается от странного обращения гостя.

— Салима, — тихо молвит она и, не зная, куда подевать свои пухленькие руки, прячет их под стол. Она хочет назвать еще и свое отчество, как он, но стесняется. Никто ее с самого рождения не называл по имени-отчеству. — Зовите меня просто Салима.

— Правильно, надо быть проще! Одни ведь сидим, — лукаво подмигивает гость, быстро заглотнув содержимое рюмки: — Ух-ха, хорошо пошла...

Лицо художника заметно подобрело, прыщеватый нос слегка заалел, маленькие глазки сузились и загорелись каким-то пугающим, озорным огоньком. Его блуждающий взгляд, откровенно оглядев хозяйку стола и скользнув по ее покатым плечам, задерживается на оголившейся, из-под полы халата пухленькой коленке.

— А ты, я смотрю, ничего, — прокашлявшись, загадочно говорит художник, — прямо сама, как мадонна! — И весело и хитро подмигнув, неожиданно и быстро наклонившись к хозяйке, шепчет ей на ухо: — Для кого, скажи, себя бережешь-то?

Тетю Салиму бросает в жар. “Все!” — со страхом и приятным волнением думает она, сейчас, наверное, начнет приставать, но тут же, поправив полы халата, лихорадочно закрывает не ко времени раскрывшуюся коленку.

“И в этом он, как ни странно, тоже прав, — думает про себя тетя Салима. — Для кого я себя берегла всю жизнь? Для кого? А жизнь, считай, уже прошла...”

— Ну, что у тебя там с картиной? — заметив ее явное смущение, удовлетворенно хрустит соленым огурчиком Марат Газизович.

— Вот, вышла на пенсию, — начинает рассказывать ему тетя Салима. — На работе подарили картину, хотела вот ее подписать на память...

— Ты? Ты вышла на пенсию? — неподдельно удивляется художник и, еще раз внимательно оглядев ее, многозначительно добавляет: — А по тебе не скажешь...

Непроизвольно подняв руку, он внезапно обнимает тетю Салиму и, шутя, притягивает к себе, нежно похлопывая ее чуть ниже спины.

— Ты еще в соку...

Тетя Салиму снова бросает в жар, сердце екнуло, как в далекой молодости, перед первой близостью с будущим мужем, но все же, преодолевая свой стыд и стеснение, она продолжает свой разговор:

— Вот, хотела на память оставить...

— Правильно, — подбадривает ее Марат Газизович, уже сам разливая водку по рюмкам. — Соображаешь...

— Да? — искренне радуется хозяйка. — Подписанная — она, сразу видно, что дареная, а без нее как-то неудобно. Да и народ у нас в селе темноватый насчет картин, — вспомнила она слова соседки.

— Правильно ты заметила, — говорит художник, прямо смотря ей в карие глаза, и совсем не по-дружески кладет свою влажную ладонь на ее коленку. — В деревнях точно, насчет искусства туговато. Вот ты, я смотрю, понимаешь в искусстве. С тобой даже и поговорить интересно...

Тетя Салима, как девчонка, смущенно алеет и, потупив глаза, отводит с колен его руку. Она заметно покраснелась, от выпитой водки у нее немного кружится голова. Тетя Салима не любила и не употребляла спиртного, но гость оказался таким настырным, что умудрился заставить ее выпить целых три рюмочки.

Более того, Марат Газизович своими пространными намеками и непростыми касаниями рук непроизвольно так изводил тетю Салиму, без конца приводя ее в состояние давно забытого и оставшегося в далеком девичестве трепетного ожидания чего-то волнующего, запретного, но оттого еще более желанного, что мысленно она уже была готова к любому повороту событий.

Сказать больше, тете Салиме были приятны касания художника. “Ну что ж

он так мучает меня, окаянный, — сетовала она, уже готовая потерять контроль над собой. — Пусть уж, чему бывать, того не миновать... Жизнь вся прошла, а вспомнить-то, оказывается, и нечего...”

Но художник к тому моменту, похоже, уже успокоился или отказался от своих смутных намерений.

— Если правильно посудить, — говорил гость, — художник — человек очень тонкий...

Марат Газизович, многозначительно подняв указательный палец вверх, загадочно посмотрел на тетю Салиму:

— Соответственно, и подход к нему требуется тонкий...

Он замолчал, расстроенный, и, задумавшись о чем-то своем, затем продолжал:

— Да! Тонкий и деликатный. Поэтому его и не понимают. Вот моя жена, например...

Художник снова замолк.

— Можно, я закурю? — спросил он.

— Курите, курите на здоровье, — простодушно разрешила ему тетя Салима.

Сбежав в чулан, она принесла вместо пепельницы консервную крышку и, усевшись поудобнее, приготовилась его слушать. Ее округлое лицо по-детски выражало настороженность и удивление, она никак не могла понять, куда клонит художник. Уж больно непонятно говорил он.

Марат Газизович закурил. Бросив догорающую спичку на консервную крышку, он небрежно разогнал рукой облако белого дыма и, устремив взгляд в пепельницу, о чем-то задумался.

— Да вы ешьте, ешьте, — попробовала нарушить молчание тетя Салима.

Но художник ее уже не слушал.

— Значит, сформулируем так, — он все глядел в пепельницу, где, извиваясь, догорала спичка. — Уважаемой мадонне, в честь выхода на пенсию — от коллектива...

— Смеетесь надо мной? — обиделась тетя Салима. — Какая же я вам мадонна? Я же, — краснея, запинаясь она, — я ведь уборщицей в доме была работала...

— Ну и что? — удивляется Марат Газизович. — Глупая ты, сама не знаешь, кто ты есть на самом деле. Уж поверь мне, моему возрасту и опыту, ты — и есть настоящая мадонна!

— Боже мой, что с вами? Вы же мне лишнего наговорили, Марат Газизович, — уже пугаясь, тетя Салима косится на опустевшую бутылку.

Художник понимает это по-своему и, налив себе полную рюмку, остатки сливает ей.

Выпив, он закусывает уже остывшим куырдаком.

— Наконец-то вхожу в себя, — делится он с ней своими профессиональными секретами. — Такие дела, как твои, например, для меня — пара пустяков. А это, — он указал на пустую бутылку, — для вдохновения. Вдохновение — это что-то! Вам этого никогда не понять...

Марат Газизович безнадежно махнул рукой.

Уф, наконец-то, вроде встает, зашевелилась тетя Салима, но радость ее оказалась преждевременной. Гость и не подумал подниматься из-за стола.

— Моя жена вот тоже не понимала меня, — продолжал он говорить. — А ведь любила, собака. И я ее любил. А у нее глаза — словно небо синее. Я ж в Ленинграде учился. Детишек она мне двоих родила...

Художник замолчал, затем с досадой хлопнул себе по коленке:

— Эх, сам виноват! А как жил, как я жил!..

— А жена-то где сейчас? — осторожно, чтобы не обидеть гостя, поинтересовалась тетя Салима.

— Ай, не спрашивай, — махнул рукой Марат Газизович и с выражением посмотрел на пустую бутылку. — Как вспомню про нее, так вить хочется...

Тетя Салима нервно заерзала на стуле, с тревогой поглядывая то пустую бутылку, то на висащие на стене часы с кукушкой.

Закончив рассказывать, художник сидел не двигаясь, жалкий и какой-то подавленный. От важности, с которой он вошел в дом, уже не осталось и следа.

Тете Салиме сильно захотелось утешить Марата Газизовича, приласкать, как мать, своего непутового ребенка. Наверное, в ней заговорил материнский инстинкт, но тете Салиме, действительно, было по-женски жаль художника.

Инстинктивно ей захотелось обнять Марата Газизовича и ласково прижать к своей пышной груди его горемычную головушку, но она вовремя спохватывается и останавливает себя. Художники, они и вправду народ чувствительный, обнимешь и не заметишь, как обидишь.

— Вы, Марат Газизович, чайку хоть попейте, свеженького, — предлагает тетя Салима. — Цейлонский. Специально для вас заново заварила. И молочко вот, тоже свежее.

— Чай не водка — много не выпьешь! — не глядя на нее, мрачно отрезает художник.

— Я же не к тому, — теряется тетя Салима. — Я сейчас принесу. Я к тому говорю, что вам еще работать надо...

— Да ты не волнуйся, — он недовольно и как бы брезгливо смотрит на нее. — Я эту пиесульку в любом состоянии смогу оформить.

Поспешно выбежав в сени, тетя Салима ставит на стол вторую бутылку. “Не дай Бог опьянеть ему, — молится она за него, — потом, глядишь, позора не оберешься”.

— Ну, что у тебя с картиной? — спустя какое-то время снова спрашивает художник.

Тете Салиме уже не хотелось отвечать на его бестолковые вопросы о картине. Она сидела и грустно смотрела на него.

Марат Газизович все пил, повествовал о своей жизни и дальше жаловался на свою судьбу.

“Правду, оказывается, говорила соседка Улжан, — думала тетя Салима. — Уж она-то знает их, как облупленных”.

Ей снова стало жалко художника. Она незаметно пододвигала к нему заново подогретое горячее, баурсаки.

Вечернее солнышко, садясь и заметно слабее, со стороны степи заглядывало в окно. В небольшом уютном палисаднике вдоль невысокого крашеного забора запоздало зацвели вишенки, нежно пробивала цвет черемуха. Подготовленные к ранней посадке грядки и рассада в ящичках с нетерпением ждали задержавшуюся хозяйку.

Было слышно, как далеко в поле, на посевной, у подножья невысоких, пологих возвышенностей натужно тарахтят трактора. В манящей своей красой весенней степи пестрыми островками дружно зацвели разноцветные тюльпаны — предвестники теплых, погожих дней, а по влажным ложбинкам, изгибаясь на тонких, длинных стебельках, бесшумно тренькали нежно-лиловые колокольчики...

Тетя Салима, совсем грустная, сидела за столом и, безрадостно уперев в подбородок свои пухлые ручки, тихо, по-женски жалела своего уже почти родного и такого беззащитного художника.

“Бедняжка мой маленький, он же совсем одинок, — с тоской думала она. — Кому теперь он нужен? Ладно я, мне сроду не везло, но он-то учился в институте, в Ленинграде. Что же его, способного и образованного, выгнало из дома и понесло по свету от жены и детишек?”

Почему-то тете Салиме расхотелось подписывать картину.

“Кто ее у меня и смотреть-то будет? — с какой-то безысходной тоской думает она. — Кому я нужна, если такой способный и талантливый человек, как Марат Газизович, стал никому не нужен?..”

В какой-то момент тете Салиме показалось, что между ней и художником есть что-то общее, их связывающее и объединяющее.

“Никому мы с ним не нужны!” — вдруг осенило ее сознание и кольнуло в сердце, словно ножом. Всю жизнь боялась тетя Салима, запрещала себе думать об этом, но неожиданное открытие застигло ее врасплох и сразу повалило на лопатки.

“Да, мы с ним одинаковы, как две пары сапог, но только одиноки по-разному! — горестно выдыхает она. — О, Боже, спаси, сохрани нас и помилуй...”

Тетя Салима испуганно отмахивается от грустных мыслей, встает из-за стола, включает свет.

Немного постояв, она не выдерживает, выключает свет и в потемках снова садится на свое место. “Может быть, мне взять и приютить его, бедолагу?” — серьезно думает она.

А рядом, цепко ухватившись рукой за недопитую рюмку водки, положив голову на стол, с раскрытым ртом спал художник. Его растрепавшиеся, жидкие волосы, обнажая образовавшуюся на макушке лысину, залезли в тарелку с салатом, а изо рта, стущаясь и превращаясь в тягучую ниточку, стекала на свежую скатерть слюна.

Время от времени гость, словно пытаясь о чем-то спросить, поднимал голову, что-то бубнил сквозь сон, но тут же бессильно ронял голову обратно...

АКРОП

Через крошечную дырочку в суконном одеяле, которым было изнутри завешено небольшое окно саманного дома, в прохладную комнату пробивается солнечный луч. В крошечной темноте, развалившись на корпешке, постеленном на кошке, и стараясь удержать журнал в пучке света, Орынбай читал “Крокодил”, свое любимое издание. Сон одолевает его, и журнал то и дело, чуть не выпадая из рук, то зависает над кошмой, то падает на подушку.

Орынбай испуганно вздрагивает, трет кулаками слипающиеся глаза и из последних сил снова принимается за чтение.

Неприятно скрипнув, тихо отворяется дверь комнаты.

“Пришли! — сжимается сердце Орынбая. — Покоя не дают, только и ждут, караулят, когда уйдешь!”

Закрыв склад, он пораньше ушел домой. Все равно начальство за ним особо не следит — доверяет, да и время уже, буквально через какой-то час-полтора будет обед, а на улице — жара за тридцать, да и не хочется сидеть одному в полупустом, пусть и прохладном складе.

“Наверное, снова строители приехали с объектов, получать стройматериалы, — подумал он, но не пошевелинулся, продолжая гадать, лежа и неподвижно. — Или жена пришла с работы, сейчас начнет готовить обед”.

Орынбай уже несколько лет заведовал складом в совхозном строительном участке. Был в меру приветлив, в меру увертлив, в меру хитер, как и все завсклады. Словом, был не дурак и на своем месте. В общении с простыми людьми был немного высокомерен, заносчив, видимо, сказывались “издержки производства”, и в свои сорок лет должность завскладом считал для себя великим достижением.

Прислушавшись, Орынбай лениво перевернулся и, отложив в сторону журнал, посмотрел на дверь.

Робко переступая, в комнату тихо вошла бабка Дарига и в нерешительности остановилась. Попав с улицы в темноту, она ничего не разбирала и не могла разглядеть.

Орынбай с облегчением вздохнул и, не двигаясь, продолжал лежать. Также и бабка не подавала никаких признаков своего присутствия, но и уходить не собиралась. Подозрительно неприятная и продолжительная тишина насторожила Орынбая.

“Пришла что-то просить”, — сразу догадался он и, бесшумно отвернувшись к стене, сделал вид, что не слышит.

Однако и бабка Дарига по простоте своей не думала сдаваться. Немного привыкнув к темноте, она робко прокашлялась.

— Есть кто в доме?

Когда надо было просить что-то, бабка всегда заходила так тихо, крадучись, как кошка, словно хотела что-то выследить или кого-то подкараулить. Этого Орынбай боялся и за данную причуду на дух не переносил соседку. Если же она приходила просто так, без какого либо дела — с ходу кричала с порога, по-простецки шумела на весь дом.

Иногда Орынбаю казалось, что бабка Дарига видит его нутро насквозь, и из-за этого еще сильнее недолюбливал свою соседку.

— Есть, — сонно и недовольно, будто только проснулся, пробурчал Орынбай, все так же не двигаясь. — Кто это?

Он понял, что дальше притворяться спящим бесполезно, бабка все равно его достанет.

— Здравствуй, Орынбай-жан, — обрадовалась бабка. — Случайно не помешала?

— Случайно нет. — Орынбай начал злиться, что она попала в точку, но, подумав, решил разрядить обстановку, поздороваться: — А, это вы? Извините...

Потянувшись, он сел на корпешку.

— Зашел вот, прилечь на минутку, — устало сказал Орынбай с видом человека, свернувшего горы. — Так намучаешься, устанешь за день, как черт...

— Не говори, и так понятно, — сочувственно соглашается бабка Дарига и вздыхает: — Я-то знаю, ответственность-то какая лежит на тебе. Не каждый справится...

Орынбаю становится немного приятно от лестных слов соседки, но все равно он не может расслабиться и в напряжении выжидает, о чем и что попросит бабка Дарига.

— Замучилась совсем, — жалуется соседка. — Не знаю, где его и найти. Как его? Фу ты! Забыла, старая...

Орынбай чувствует, что бабка хитрит. Тут, как говорится, чья возьмет. Он лихорадочно начинает соображать, что же она у него хочет выпросить...

— А-а! Вспомнила, — обрадовалась она.

Орынбай перестает дышать.

— Сорняк такой, акроп называется, — вспомнила она. — Трава такая, растет как веник, для соления нужна...

“Уф-ф, — отлегло на сердце у Орынбая. — Укроп еще ничего. Хорошо, что не краска или стройматериалы”.

— Посмотрим, — повеселел он и, отбросив в сторону журнал, тяжело поднялся с места. — Пойдем, бабушка, сейчас поищем.

Орынбай нехотя выходит в огород. Ни на шаг не отставая от него, семенит следом бабка Дарига в калошах.

Сильно слепило августовское полуденное солнце. На заросших и неухоженных грядках, уже сморщившись, перезревали помидоры, желтея, лопались пузатые огурцы. Орынбай заметил, что уже начала зарастать бурьяном дорожка, делящая огород на две половинки и выходящая на зады, к сараям.

— Запустила! — тихо, незлобно ругнулся Орынбай, пробираясь через высокую, пыльную траву. — Мне с моей нелегкой работой, пропади она пропадом, некогда смотреть за двором, а она — палец о палец не хочет ударить. Сколько добра зазря пропадает!..

Бабка Дарига понимающе молчит и, стараясь не рассердить его, послушно следует за ним. Она прекрасно знает возможности своей соседки, которая разрывается между детьми, фермой с двухразовой дойкой и домашним хозяйством.

Орынбай, невольно перепачкав в пыли свои брюки, подводит ее к небольшой кучке выгоревшего и осыпающегося укропа. Подумав, он делает широкий жест:

— Вот. Наберите сколько надо.

— Ба-а! — восклицает бабка Дарига. — Так он же весь выгорел! Неужели у вас больше нигде его нет?

— Нет, — хмуро отвечает Орынбай. — Вроде бы кончился... Жена, кажись, тоже собиралась солить.

— И весь уже вышел? — хитро удивляется соседка.

— Да, вышел, — по привычке срывается у него с языка.

И тут же он спохватывается, пожалев, что поторопился с ответом. Орынбай знал, что на другом конце его огромного огорода остались целые заросли укропа, половина из которых все равно осыплется и пропадет. Вначале ему было лень идти туда по жаре, а потом просто расхотелось показывать весь огород соседке, так как частенько ей изменяло чувство меры.

“Ладно, перебьется бабка, — успокоил он себя. — Все равно уже сказал, что нет укропа. Надоела. Просит и просит. То краску ей давай, то замазку, то укроп...”

Бабка Дарига с изумлением смотрит на Орынбая и совсем не торопится уходить.

— Ты, наверное, забыл, Орынбай-жан, — будто прочитав его нехорошие мысли, говорит соседка. — Ты занятой человек, можешь и не знать, что у тебя растет во дворе...

Он раздраженно ждет, когда закончит говорить бабка. Соседка, нервнуря Орынбая, хитро заглядывает ему в лицо.

— Ведь прежде, чем зайти к тебе в дом, — вкрадчиво рассказывает она, — я обошла весь твой огород. И вон там, на краю, — бабка Дарига показывает рукой, — полно растет этой заразы-то, — и чисто по-русски выговаривает, — укропа-то. Разве я стала бы тебя беспокоить, если бы его не было?

Соседка, довольная, что проучила прижимистого Орынбая, притворно заискивающе смеется.

Орынбай растерянно глядит на бабку Даригу.

— Да ладно уж, берите, что хотите, — конфузится он, уразумев, что бабка ловко провела его. — Смотрите сами. Я не знаю, где, что? Этим жена занимается. Мне работать надо!

Пристыженный бабкой, он какое-то время обескураженно стоит во дворе, затем тихо направляется в дом.

— Ничего, ничего, спасибо. Я много не возьму, — щебечет бабка Дарига, довольная собой, и, собирая в охапку укроп, громко удивляясь, продолжает: — Ба, ты погляди, тут у вас и хрен растет, и перец, и чесночок...

— Да вы берите, сколько вам надо. Все равно пропадет, — остановившись, уже на крыльце, кричит ей Орынбай. — Соберите и перца, и чеснока. Если жена не соберет, все равно все пропадет...

Бабка Дарига уже не слушает его.

— Ты только погляди, — тараторит она и, не разгибаясь, ловко забрасывает к себе в подол всё то, что подалось ей под руки. — И укропчик, и перец, и чесночок. Все у тебя есть для добрых людей. Спасибо, милый: что в пользу людям, то не пропадет...

Зайдя в дом, Орынбай начинает нервно ждать жену. “Где она ходит?” — злится он и смотрит на настенные часы. До обеда оставалось еще полчаса. Орынбай садится за стол и начинает разглядывать рисунки на скатерти, затем берет в руки районную газету.

“Вот тебе, бабушка, и “акроп”! — удивляется про себя он. Ни читать, ни спать ему уже не хотелось. Он снова представляет себе бабку Даригу, бойко рыскающую по огороду и все подряд закидывающую в свой подол. — Придумала же, как меня провести...”

Орынбай качает головой, поражаясь старушечьей хитрости. Он долго думает о чем-то и, кисло усмехнувшись, говорит себе вслух:

— Если “акроп” задом наперед прочитать, получается “порка”! Тебе, бабушка, “акроп”, а мне, выходит, — порка!

Орынбай сокрушенно думает о нелепости своего положения, в которое попал только благодаря своей часто излишней и неуместной скупости. На деле получилось так, что бойкая и смышленная бабка будто специально выдумала для него что-то вроде моральной порки!

Он потрясен метким значением случайного слова, полученного от обратного чтения слова “акроп”. И ему уже кажется, что хитрющая бабка неспроста употребила это слово.

“Вот задала мне бабка порку! И поделом! Чтоб не зазнавался больше, паразит, и не хитрил, и не жадничал по мелочам...”

БАБУШКА АЙСЛУ

За околицей слабо алел закат. Стыла земля, медленно расслабляясь и испуская накопленный за день жар. Просыпались, встряхивались от дремы деревья и птицы, почувствовав свежее дуновение ветерка, дружно раскрывались одуванчики на зеленой лужайке за домом.

Привычно и хрипло кричал пастух, мычали коровы, норовя снова убежать в степь, на вольные, сочные травы — подходило к селу стадо. Мягкая пыль, поднимаемая скотиной, долго еще висела над землей и, медленно оседая, ручьями растекалась по дороге, приятно сквозила меж пальцев босых ног.

Юркая ребятня на велосипедах, выехав навстречу и мешая пастуху, разгоняла стадо. Женщины ругаясь, кричали на мальчишек, громко кликали, разбирая свою скотину, жаловались пастуху: опять пропала или не пришла корова.

Полузабытое миром село, на многие километры отдаленное от больших магистральных дорог, жило своей обычной, неторопливой и размеренной жизнью. На пригорке, поодаль от новых силикатных домов, что построились в последние годы, возвышался небольшой домик с красивым покосившимся палисадником, некогда белоснежный, строенный прочно и основательно.

Огромные многолетние тополя, окружавшие со всех сторон саманную мазанку с шатровой крышей, издали делали ее совсем махонькой и неприглядной.

Подойдя поближе, можно было разглядеть, как на завалинке около дома, накинув на себя просторный, вылинявший и потерявший свой первоначальный лоск зеленый плюшевый бешмет, неподвижно сидит старушка. Нарядный, белоснежный платок красиво оттенял изрытое глубокими морщинами старческое лицо, придавая ему некое выражение торжественности и покорного ожидания чего-то важного, долгожданного и, похоже, несбыточного, но в то же время так нужного и необходимого, словно излечение от давней, непреходящей боли.

В глуби устремленных куда-то вдаль и выцветших от слез старушечьих глаз настоялась глубокая, давняя печаль. Ее большие, натруженные, почти ссохшиеся руки, обтянутые тонкой, гладкой кожей с темнеющими кровоподтеками — медленно заживают ушибы на старческом теле — устало покоились на коленях.

Старушку звали бабушкой Айслу. Когда-то, в совсем далекой молодости, она была живым олицетворением своего яркого имени — красавица, подобная луне. Так переводится с казахского ее имя — Айслу. Женщины, проходившие мимо, еще издали здоровались с ней.

— Как здоровье, бабушка Айслу?

— Не нужна ли какая помощь?

— Не приехали ли сын, внуки?

Сразу преображалась старушка от простого и нехитрого человеческого участия. Сходила с лица печаль, теплели глаза, с охотой отвечала им бабушка Айслу.

— Нет времени у сына приехать. Он больше по границам сейчас ездит. Письмо вот написал...

Бабушка Айслу не прочь поговорить, но женщины проходят, не останавливаясь. Они знают, что сын ничего не написал, да и письма ей частенько читают сами соседи — латинской, ненужной нынче грамоте обучалась в молодости бабушка Айслу у заезжего в их село ликбезиста, а переучиваться — не было времени.

— Наверное, и вправду нет времени. Занятой он у вас. Ученый!

— Конечно, — обрадованно соглашается со всеми бабушка Айслу. — Некогда ему...

Хорошие люди живут в селе. Добрые и, главное, отзывчивые. Всегда придут на помощь, никогда ни в чем не откажут, не бросят в беде.

— Заходите, бабушка Айслу, чай пить! — зовут ее.

— Спасибо. Обязательно зайду как-нибудь, — отвечает она, довольная вниманием односельчан.

Торопятся женщины, не могут долго задерживаться. Нужно спешить — дом, семья, хозяйство. Их ждут некормленные дети и муж, голодные телята, недоенная корова.

И снова одиноко сидит бабушка Айслу, слушая в наступающих сумерках тихое перешептывание листвы в многолетних кронах огромных тополей — памяти, оставшейся о муже.

Три маленьких деревца посадил муж перед самой войной в честь своих сыновей — Еркина, Ербола и Ерсайна — и сам ухаживал за ними, поливал, пока саженцы не набрались сил, не окрепли.

Бросили деревья семя. Выпростились из земли, выросли на глазах, и, разрастаясь, уже догоняет в росте своих родителей поросль первых тополей, еще раз подтверждающая истину, что всегда оставляют свой след на земле добрые дела. И куда будут расти эти деревья, продолжать свой род, будет жить в людях и память о муже бабушки Айслу — колхозном кузнеце и умельце, сельчаке Адильбеке.

И может быть, когда-нибудь тополя эти, бережно возвращенные кузнецом, разрастутся еще больше вширь, образуют рощу или сельский парк, и малые дети между играми задумаются на секунду и спросят своих родителей: а кто посадил эти “балшше дельвья”?..

Видится бабушке Айслу ее муж Адильбек. Молодой, сильный, красивый. А как он виртуозно и ловко орудовал топором, когда сбивал стропила на крыше!

Вспомнилось, как строили дом, в котором она сейчас живет. Сколько надежд они связывали с ним! Всей семьей строили. Сами били саман, возводили фундамент, стены. Большой вышел дом, просторный. Живите на здоровье, растите детей. Радуйтесь счастьем!

Но не суждено было им испытать счастья в новом доме. Только закончили последние работы, как началась война. Сколько слез, несчастий принесла она, проклятая, людям... Сколько жизней молодых на корню загубила, сколько вдов и сирот расплодила по горькой земле...

До сих пор кровью обливается сердце, когда слышишь это жуткое слово — война. И нет-нет, да резанет старческий слух услышанное по радио: война, агрессия...

Одним из первых ушел на фронт ее муж, оставив кухню на старшего сына Еркина. Наказывал жене, чтобы берегла себя и детей, и не знал, что прощается еще с одним сыном, которого он так и не увидит.

Она назвала его Бейбитшилик, что значит мир. Через три года, один за другим, почти сбежали из дома, добровольцами ушли на войну вслед за отцом совсем еще юные Еркин и Ербол. Не смогла уберечь, усмотреть и за третьим сыном Ерсайном — попал под сенокосилку...

И остался у нее на руках один маленький Бейбит, ее опора, и утешение, и оправдание перед мужем. Но ни перед кем не пришлось ей оправдываться.

“Ваш муж, Адильбек Жаксенов, в боях за Советскую Родину, проявив мужество и героизм, пал смертью храбрых”, — извещалось в похоронке, но не поверила она тогда “черной бумаге” и до сих пор не верит, хотя с тех пор годков прошло уже пять десятков. Разве мало случаев? А вдруг?..

Живым — жить! Скольких трудов ей стоило, чтобы снова ожить, встать на ноги, не для себя — ради крохи, сына Бейбита, чтоб вырос он достойным имени отца, продолжил его дело.

И вырастила, назло судьбе, воспитала, дала образование. И внуков вынянчила. Двоих.

В столице теперь живет сын. Стал ученым, известным на всю республику. Зовет жить к себе. Отказывает ему бабушка Айслу. Не хочет и не может бросить она село, в котором родилась, где прошли ее молодые и самые счастливые годы. Сын, бессильный переубедить мать, кажется, оставил старушку в покое.

Каждое лето он привозит детей к матери. Сам побудет день-два и уезжает. Сильно занята, институтом каким-то руководит, научным. Невестка, та и вовсе не показывается, тоже, видно, занята. За все время бабушка Айслу ее всего-то несколько раз и видела. Раньше, бывало, она иногда черкала в письме пару строк: спасибо за мясо, масло. Приезжайте, мол, погостите...

Стара сейчас стала бабушка Айслу. Не может смотреть за скотом. Всю живность во дворе, кроме кур, распродала. Часть вырученных денег оставила себе, на черный день, а оставшуюся — пустила внукам на подарки.

Теперь ей самой соседи молоко для чая приносят. Пенсии на одну себя хватает, хотя получает она, по милости одного районного бюрократа, почти вдвое меньше положенного. Сгорела ее трудовая книжка во время пожара в колхозной конторе, а при восстановлении сделали ошибочную запись.

Ездил бабушка Айслу и в район, но не получилось.

— Не могу я нарушить инструкцию! — заупрямился тогда молодой чиновник с неприятными водяными глазами и каменным лицом. — Не желаю я рисковать своим положением из-за кого-то!..

Не стала перечить ему бабушка Айслу. Махнула рукой, хватит ей одной и половины того, что заслужила своим трудом.

Легкий ветерок пробежал по верхушкам тополей, отдало прохладой с реки, где громче заквакали, переливами запели лягушки. Засинели, сгущаясь, сумерки. На высоком небе уже появились первые звезды, и теплый летний вечер начал ласково окутывать небольшое бурлящее своей жизнью село.

Недалеке, опираясь на палку, кто-то проковылял вслед за своей короной. Он издал, здороваясь, кивнул головой бабушке Айслу и заспешил дальше. Приглядевшись, она с трудом узнала в нем старика Малшибая. Тише воды, ниже травы стал он сейчас. А когда-то был грозой всего аула и женщин...

Посевная, сенокос, уборка, уход за скотом — все лежало на хрупких плечах женщин и детей. Руки в мозолях и волдырях, ныло и болело все тело. Рано утром, запив черствую лепешку кружкой айрана или обрата (молоко сдавали на масло — все шло для фронта), бабий отряд выходил на работу. Возвращались затемно. Шатались от усталости и пели песни — уже был близок конец войны.

Мужчин в ауле осталось всего двое: председатель колхоза, однорукий старик Исатай, и завхоз Малшибай, невысокий, неприятный мужичок, непонятно каким образом избежавший поголовной мобилизации. В ту пору ему едва стукнуло за сорок.

Поговаривали про Малшибая разное. В его руках находилось все довольствие колхоза. Ненасытный и падкий до женщин, с неровными отростками редкой бороды на красном, лоснящемся от жира лице, он ловко использовал свое положение. Редкая женщина в ауле ухитрялась избежать его хитро сплетенных сетей, осмеливалась дать ему отпор: недолго сможешь кормить младенца словами о гордости и чести. Да кому они и нужны, кто их в то время станет слушать? Малыш есть просит, и причем каждый день.

Чем ближе был конец войны, тем все больше расходился Малшибай, словно почувствовав, что несдобровать ему. Избив до полусмерти, с позором выгнал из дома в зимнюю стужу свою жену Даригу, застудив единственного ребенка, и, на свою беду, женился на первой красавице аула — вдове фронтовика Курмантая.

Она-то и определила его дальнейшую судьбу. Однажды, в горячую пору сенокоса, случайно приехав в село, женщина застала дома новоиспеченного мужа со своей взрослой дочерью от Курмантая. Сразу же уразумев, для чего Малшибай женился на ней, она в приступе ярости подвернувшимся под руку ножом лишила Малшибая мужского достоинства и себя этим же ножом порешила, не в силах вынести такого позора.

Другой участи Малшибай и не заслуживал. С облегчением вздохнул аул. Некоторые женщины, словно отыгрываясь за полученные раньше обиды, открыто плевали ему в лицо.

Был в клубе суд. Да что с покойницы возьмешь?..

И с тех пор утих, неплодим стал, замкнулся в себе Малшибай. Так и закончил бы он свои дни в одиночестве, да нет, сжалилось женское сердце, снова приютила его Дарига, простила. “Сам Бог наказал, а я прощу”, — решила она. И по сей день живут они вдвоем. Одни, без детей и детского смеха в доме доживают свой век.

Весна в тот год, помнится, была ранней. Не успел сойти снег, как показалась сочная, ярко-зеленая молодая травка. Сразу выгнали в степь весь

колхозный скот, который, шатаясь от легкого дуновения ветерка, кое-как держался на ногах...

Все с нетерпением ждали Победы, отзвуки которой доходили и до их далекого от фронта небольшого села. Вот стали приезжать первые фронтовики, с орденами и медалями на груди, раненые и контуженные, но живые и счастливые, некоторые без ног или без рук.

Айслу, тогда еще молодая и полная сил, каждый день вечером, после работы, сидя на завалинке, до самой темени ждала с фронта Адильбека, своих детей, Еркина и Ербола. Ей казалось, что вот-вот и они приедут. И так изо дня в день, из года в год...

Почернело, скривилось от боли давних, но все еще острых воспоминаний лицо бабушки Айслу, и вся она будто превратилась в маленький комочек нервов и переживаний. Уже таяли и расплывались в вечерних сумерках очертания домов и деревьев. Кое-где робко заморгали и засветились чудом уцелевшие от уличных хулиганов электрические фонари, бросили тускло расплывающиеся квадраты света на дорогу окна домов.

Бабушке Айслу не хочется заходить в полупустой дом. Все чаще и чаще сживает она на завалинке до поздней ночи, перелистывая в памяти страницы своей незаметно пролетевшей в ожиданиях мужа и сыновей жизни. Каждый раз, погружаясь невольно в глубины воспоминаний, она торопила застывшее время.

Пора и мне, все чаще и чаще в последнее время думает старушка, пора к мужу. Заждался, должно быть. Отбыла я свое на этом свете, вернула долг сыну. Он на меня не держит обиды. Только вот внуки...

Вот они-то и не отпускают бабушку. С нетерпением ждет она внучков. Совсем скоро приедут они на каникулы, и тогда дни ее заполнятся снова, обретут какой-то смысл, завертятся в хлопотах: накормить вкусно, присмотреть, поругать и приласкать, и обновки им не забыть купить к школе. Забот будет — полный рот!

Может быть, только ради этого и стоит жить, мучительно долго и терпеливо выдержать еще год до следующих каникул?..

Иногда призадумывалась бабушка Айслу. А не уехать ли к сыну, в столицу? Небось не притесню? Детей малых смогу нянчить, если еще появяться, буду с невесткой чай пить, беседы с ней о жизни вести. Только вот одна беда, что разговоры у нее с невесткой ровно на полдня и хватает, а потом — год от этого бываешь сыта...

Ну ладно, и не это главное, забудется, отойдет от сердца боль...

А что будет потом?..

Внуки повывают, станут готовиться в студенты. Что остается делать в столице? К городской суете и жизни не обучена, да и кем я буду в городе? Беспомощной бабкой, безвестно доживающей свои дни? Или неприятной мольбой на глазах у единственной невестки?..

Даже и не это, другое удерживает бабушку Айслу. Давно мучает старушку и больно гложет одно, не дающее покоя сомнение: не от души, чувствует она, зовет ее сын жить к себе...

Она бы все равно не поехала к нему. Ладно уж, хватит, старая, отмахиваясь от тяжелых дум, успокаивает она себя. И чего только в голову не придет! Даст Бог, и здесь не помрем, а ежели приспичит — и в городской квартире не спрячется.

Уже гаснет на улицах свет, отходит ко сну село. Давно уже пора в дом, но бабушка Айслу все тянет, съезживаясь от ночной свежести, не шелохнется. Одна-одинешенька остается она в огромной темной ночи.

Сгорбившись под тяжестью дум, старушка застыла надолго, превратившись в маленькое неподвижное изваяние на завалинке. И лишь глаза, два тусклых огонька, светящихся на ее сморщенном, изрытом морщинами лице, говорят о теплящейся еще в ней жизни.

Снова и снова, до боли и рези в глазах всматривается бабушка Айслу куда-то вдаль, где за высокими горами, за далекой и глубокой рекой, за звездами, рассыпанными по черному небу, проходит железная дорога в большой миллионный город к ее любимому сыну, невестке, внукам...